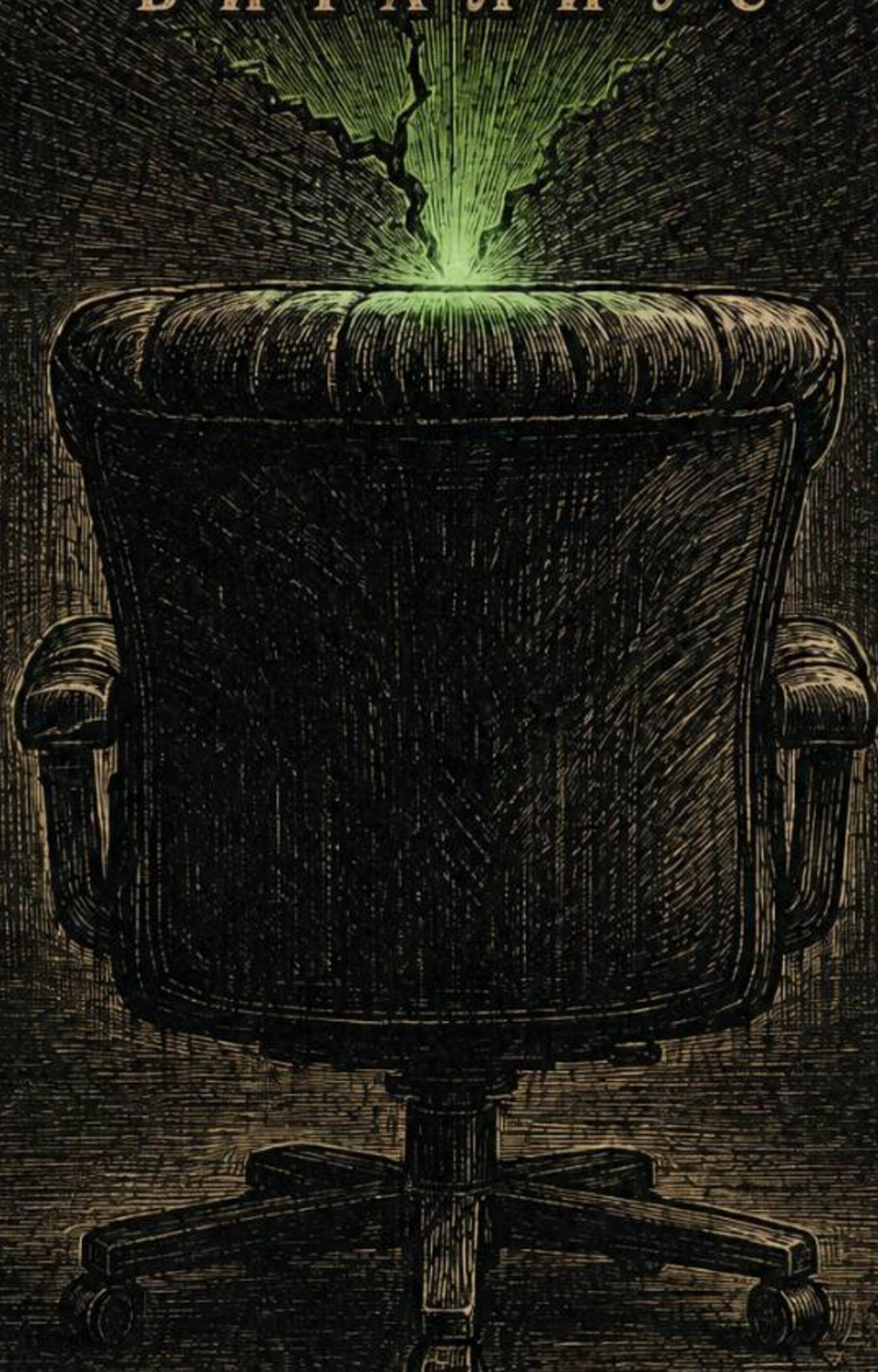

ХАКНУТЬ МАТРИЦУ — НАЧАЛО

ВИТАЛИУС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виталиус

Хакнуть Матрицу - Начало

«Автор»

2026

Виталиус

Хакнуть Матрицу - Начало / Виталиус — «Автор», 2026

Пятнадцать лет я строю системы — сначала автоматизировал чужой бизнес, закрывая чужие функции за ненадобностью. Потом настала моя очередь. ИИ заберёт рутину — и скоро огромное количество людей останется наедине с собой. Не на ретрите. Не по подписке. Просто потому, что функция, которой они были, исчезла. Со мной это случилось раньше, по старинке: через правильную жизнь, которая оказалась чужой. Через побег, распад, расставание и тишину с видом на океан, где выяснилось — бежать было не от кого, кроме себя. «Хакнуть Матрицу — Начало» — отчёт с этого карантина. Без эзотерики, без гуру и без обещаний, что книга изменит твою жизнь. Пять актов: погружение, распад, тишина, сборка и хак. Честно, с матом там, где он честнее эвфемизма — для тех, кто уже прошёл курсы и ретриты, устал от чужих сценариев и подозревает, что живёт не свою жизнь.

© Виталиус, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Посвящение	5
ПРОЛОГ. Карантин, который не отпустит	6
АКТ I. ПОГРУЖЕНИЕ	7
Глава 1. Вступление	8
Глава 2. Для кого эта книга	10
Глава 3. Я не гуру	11
Глава 4. Всё по учебнику	13
Глава 5. Дочь	17
Глава 6. Момент, когда стало тихо внутри	20
АКТ II. РАСПАД	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Виталиус

Хакнуть Матрицу - Начало

Посвящение

Посвящается дочери.

Ты не просила быть персонажем в чьей-то книге о свободе. Прости — и спасибо, что разрешила это оставить.

ПРОЛОГ. Карантин, который не отпустит

Обычно в прологе автор обещает, что книга изменит твою жизнь.

Не буду.

Вместо этого расскажу, что случится с тобой в ближайшие несколько лет.

Без эзотерики. Без таро.

Я пятнадцать лет строю системы. Скажу точнее, чтобы было понятно, откуда я знаю: я автоматизирую чужую работу. Проектирую то, что закрывает функции за ненадобностью — по одной, по отделу, по профессии.

Так что это не пророчество. Это признание с производства.

Могу ошибаться в сроках. В остальном — вряд ли.

Искусственный интеллект — дальше просто ИИ — забирает рутину. Не «помогает с задачами» — сжирает целиком. Аналитику, тексты, отчёты, планы, поддержку, половину профессий, на которых люди годами держали ощущение, что они кто-то. Агент делает это быстрее, дешевле и не уходит в запой по пятницам.

И скоро огромное количество людей окажется не у дел. А значит — наедине с собой. Не на ретрите. Не по подписке. Потому что функция, которой они были, закрылась за ненадобностью.

Ковид помнишь? Заперлись, поныли, пересмотрели сериалы, переждали. Отпустило.

Это — не отпустит.

Профессии не вернутся. Агенты не поумнеют обратно. Тогда тебя заперли с близкими и холодильником. Теперь запрут наедине с собой — без единой задачи, которой можно заслонить вопрос «а кто я, если не моя должность».

И вот тут выяснится неприятное.

Большинство людей — это и есть их функция. Убери работу, статус, занятость — и под ними не окажется никого. Пустой стул. Свет горит, программа крутится, человека нет.

Для системы это сбой.

Для тебя — единственный шанс проверить, есть ли ты там вообще.

ИИ не сделает тебя свободным. Он просто выключит шум. А в тишине будет слышно одно: есть там кто-то — или всё это время был включён автопилот, а ты думал, что это ты.

Со мной всё это случилось раньше. И не из-за ИИ.

Меня вынесло на берег самого себя по старинке: через правильную жизнь, которая оказалась чужой. Через побег, распад, расставание и тишину с видом на океан, в которой выяснилось, что бежать было не от кого. Кроме себя.

Эта книга — отчёт оттуда.

Считай её репортажем с карантина, на который тебя ещё не заперли.

Меня — уже.

АКТ I. ПОГРУЖЕНИЕ

Здесь начинается вход в Матрицу. Не в киношную, с зелёным кодом и плащами. В обычную. Ту, где человек вроде бы живёт нормально. Матрица здесь ещё не выглядит как тюрьма. Она выглядит как нормальная жизнь.

Глава 1. Вступление

Тук-тук, читатель.

Дальше я буду обращаться к тебе на «ты». Ничего личного. Просто на «вы» Матрицу не взламывают.

Я начал её в четыре утра — в тот час, когда нормальные люди спят, а ненормальные пишут книги о Матрице.

Скорее всего, у тебя уже много книг за плечами. В некоторых из них истина подаётся так, будто автор только что спустился с горы, получил PDF от Бога и теперь великодушно пересказывает его людям.

Эта книга не такая.

Я мог бы красиво сказать: «Я знаю, ты искал меня». Но это было бы уже слишком.

Хотя, если честно, что-то ты всё-таки искал. Иначе зачем ты читаешь книгу с названием «Хакнуть Матрицу»?

Скорее всего, ты давно чувствуешь одну неприятную вещь: с миром вроде бы всё нормально, но жить в нём почему-то всё равно странно.

Ты, конечно, надеешься услышать, что ты особенный, потому что держишь этот «священный» текст своими избранными руками. И что я благословлю тебя на праведную борьбу с системой.

Но увы — я не загружу в тебя программу кунг-фу и стрельбы с узи в двух руках.

Хотя, если честно, тебе, воин, они бы тоже не помешали.

В каком-то смысле ты действительно избранный. Просто плохая новость: избранные здесь все.

У каждого свой квест, свои баги, свои травмы, свой набор тупых решений и своя прекрасная возможность сделать вид, что он всё контролирует.

А ещё набор готовых объяснений на случай, если жизнь снова пошла не по плану: мужчины — козлы, женщины — меркантильные стервы, родители всё испортили, бывшие сломали психику, государство виновато, а мир вообще собран криво и без инструкции. Удобно.

Примерно так же удобно, как думать, что проблема точно не в тебе.

Мы все в одной игре. Просто каждый наступает на свои грабли так, будто это часть духовного пути.

Матрица — не тюрьма в классическом смысле. Скорее тренажёр.

Жёсткий, странный, местами с плохим интерфейсом.

Ты здесь, потому что старые уровни перестали работать.

Счастье от нового айфона заканчивается примерно в тот момент, когда ты снимаешь плёнку с экрана. Работа всё чаще выглядит как хорошо оплачиваемая имитация смысла. Друзья вроде нормальные, но говорить с ними по-настоящему уже не о чем. Отношения либо не клеятся, либо клеятся так, что потом хочется вызвать техподдержку души.

Даже Дота, Контра или сериалы по ночам уже не спасают.

В общем, старые способы делать вид, что всё зашибись, начали сбоить.

Поздравляю.

У тебя либо кризис среднего возраста, либо ты зумер.

В любом случае симптомы похожие: жить по-старому уже не хочется, а по-новому ещё непонятно как. Очень неудобный этап.

Почти как обновление системы, после которого половина привычных кнопок пропала нахрен.

А ты думал, что уже готов к переходу на новый уровень?

Да. Не бойсь. Так оно и есть.

Ты уже прошёл базовые уровни Матрицы и теперь не знаешь, что делать дальше.
Меня зовут Виталик.

Хотя на обложке написано «Виталиус». Это не опечатка и не псевдоним для солидности. Разница между этими двумя именами — вообще-то и есть вся эта книга. Но объяснять её сейчас не буду: ты не поверишь, а он не любит, когда о нём рассказывают заранее.

Кто «он» — узнаешь. Он сам представится. Когда решит, что тебе пора.

В этой книге я буду чем-то вроде проводника. Не потому что я всё понял. А потому что я уже успел красиво вляпаться во многие места, куда тебе, возможно, ещё только предстоит зайти.

И кое-где даже не сразу понял, что это было не приключение, а очередные грабли, просто в подарочной упаковке.

Я не мессия. Не гуру. Не пророк. Не человек, который сейчас будет продавать тебе пробуждение в рассрочку. Я такой же человек, просто прошёл чуть дальше по некоторым коридорам и пару раз больно ударился головой о потолок.

И да, «Хакнуть Матрицу» — это не выйти из жизни. Не исчезнуть. Не стать холодным наблюдателем, которому всё равно.

Я же пишу эти строки. Значит, как минимум, из игры меня пока не удалили.

Я покажу тебе путь, который прошёл сам. Ты вправе ставить всё под сомнение, спорить, критиковать и даже стать моим хейтером. Только не поджигай, пожалуйста, мою яхту. Она пока существует только в воображении, но я уже к ней так привязался.

Я могу идти рядом какое-то время. Но идти всё равно придётся тебе.

Для начала сделай странную вещь: остановись на тридцать секунд и посмотри на точку в конце этого предложения.

.

Ну что?

Я же сказал — в конце предложения. А ты уставился на эту, жирную, посреди пустой строки.

Ничего личного. Просто твоё внимание только что показало, как оно работает: бежит туда, где подсветили, а не туда, куда ты сам решил смотреть.

Этим пользуются все — ленты, реклама, заголовки. Скоро — ИИ, который будет знать тебя лучше, чем ты сам, и подсветит нужную точку раньше, чем ты решишь, куда смотреть.

А теперь неприятное.

Если твоим вниманием так легко рулит одна жирная точка — кто, по-твоему, рулил им все эти годы?

Сейчас попользовался и я. Зато честно. Первый уровень уже начался.

Глава 2. Для кого эта книга

Ты можешь жить вполне нормальную жизнь.

Ходить на работу. Улыбаться коллегам. Шутить свои одинаковые шутки. Смотреть сериалы по вечерам. Пить пиво с друзьями. Планировать отпуск. Иногда даже радоваться.

Снаружи всё может выглядеть более-менее прилично.

Не катастрофа. Не «срочно вызывайте скорую». Не конец света.

Просто внутри иногда появляется тихое ощущение: что-то не так.

Эта книга для тебя, если ты всё чаще ловишь себя на мысли, что жизнь вроде бы идёт, но тебя в ней почему-то не очень много.

Если старые цели больше не заводят. Если накопление на квартиру уже не кажется главной целью человеческого существования. Если работа даёт деньги, но всё меньше даёт ощущение смысла.

Если отношения вроде бы есть, но внутри всё равно остаётся вопрос: а я вообще здесь живой?

Если тебе не хватает глубины, но от слова «предназначение» уже хочется слегка выйти из комнаты. Если ты устал делать вид, что всё нормально, просто потому что объективно жаловаться вроде бы не на что.

Эта книга не для тебя, если тебя всё устраивает. Если ты хочешь только подтверждения, что всё делаешь правильно. Если во всех проблемах всегда виноват кто-то другой.

Если тебе нужен готовый ответ: кого любить, куда ехать, как жить и сколько раз в день медитировать, чтобы наконец стать приличным духовным человеком.

Если ты ищешь ещё одну красивую теорию, которую можно понять, обсудить и спокойно положить рядом с остальными непрожитыми истинами.

Здесь такого сервиса не будет.

Максимум — станет чуть яснее, где именно ты врешь себе.

Слабый бонус. Но других тут не выдают.

Эта книга не обещает, что тебе станет легче. Иногда честность сначала делает не легче, а неудобнее.

Потому что после неё сложнее возвращаться в старую жизнь с лицом человека, который ничего не понял.

Но если тебе давно нужен не очередной совет, а честный разговор без духовного грима и дешёвого утешения — возможно, ты по адресу.

Хотя кого мы обманываем.

Если ты дочитал до этого места, ты уже немного влип.

P.S.

Некоторые вещи в этой книге кажутся верными ровно до тех пор, пока ты не начинаешь проверять их на себе.

И ещё одно, серьёзно, без иронии.

Если тебе не «что-то не так», а прямо сейчас плохо — по-настоящему, остро, — эта книга не для этого момента. Она про долгий разбор, а не про скорую помощь. Отложи её. Позвони человеку, который может быть рядом физически, или на линию поддержки. Вернётся, когда станет хоть немного тише внутри. Она тебя дожждётся.

Глава 3. Я не гуру

Хочу немного рассказать о себе, чтобы у тебя не возникло ощущение, что Виталиус в пять лет уже сидел в позе лотоса, видел код Матрицы и снисходительно смотрел на детей в песочнице.

Нет. Всё было гораздо прозаичнее.

Я был обычным мальчиком в рабочем прототипе советской счастливой семьи. Отец был госслужащим. Мама сидела с двумя детьми, потом с тремя.

Детство мне посчастливилось провести в девяностых и начале нулевых — в не очень приветливом Мукачеве, в живописной Закарпатской области, в гордой стране Украина.

Это был прекрасный опыт, чтобы потом делать кассу психологам.

В те времена страшно было даже идти в начальную школу. В городе действовала простая география: улицы кому-то принадлежали. «Держать асфальт» — так это тогда и называлось, буквально этими словами. Если смотрел «Слово пацана» — так вот, это не сценаристы драматизировали. Это документалка. Просто у нас — без красивого монтажа и без актёров.

Пойдёшь по чужой улице — могут побить. Я честно не понимал, как улица может быть чьей-то. Она же никому не принадлежит. Мне объяснили быстро.

Первый урок я получил ещё в начальных классах, прямо перед дверями школы. Там стояли двое — один явно не из наших — и методично «копали» всех проходящих детей. Мальчиков, девочек, без разбору.

Я подошёл и сказал им правду: то, что они делают, — неправильно.

Мне прилетело в глаз так, что я увидел звёзды. Настоящие, как в мультиках. Я стоял у дверей собственной школы и был уверен, что умираю.

Не умер. Но выводы система предлагала сделать вполне конкретные: правду говорить дорого, справедливость никого не интересует, и ты — просто удобная точка приложения чужой тупости.

Возможно, именно тогда во мне и появилась странная идея: мир надо бы как-то улучшить.

Хотя сначала я, конечно, хотел просто выжить и чтобы меня не трогали.

Мне нравилось учиться, когда меня хвалили. Мне было важно, чтобы меня принимали. Я хотел быть правильным. Нормальным. Но инструкции были странные. Меня ругали за то, что я был весёлым. Били за то, что я плакал.

Меня учили говорить правду. Но почему-то другие мальчики обижались, когда я честно сообщал им, что они тупые.

С тех пор я начал подозревать, что мир не всегда готов к прозрачной коммуникации. Очень странный мир. Сервис явно был недоработан.

Со временем я понял простую вещь: безопаснее ничего не говорить и ничего лишнего не делать.

Я не был особенным. Я был удобным.

Сколько себя помню, денег у нас почти никогда не было. Родители не были какими-то особо духовными — просто денег не было, и всё. Особенно когда отцу задерживали зарплату: другого дохода у нас не было, и мы собирали по всей квартире копейки, чтобы купить хлеба. А занять даже у соседей родители стеснялись — чтобы никто ничего не подумал.

У нашей бедности был свой индикатор: блины. Если блины на столе слишком часто — значит, деньги закончились и осталась только мука. Никто не объявлял этого вслух. Просто ели блины. Я до сих пор смотрю на них с этим фоновым знанием.

Если чего-то хотелось — этого, скорее всего, не будет. И я просто перестал мечтать.

За обеденным столом часто проходило серьёзное партийное заседание. Нужно было молча есть и впитывать, какой мир сложный, опасный, несправедливый, и что не в деньгах счастье.

Что, конечно, очень удобно говорить, когда денег всё равно нет.

Мои родители всё это уже читали — я выкладывал куски в телеграм. Поэтому скажу ещё раз, теперь на бумаге: я ни в чём вас не обвиняю. Такой был мир. Вы жили как могли, любили как умели, передавали то, что сами получили.

Просто ребёнок всё это впитывает не как философию.

Он впитывает это как инструкцию к жизни. Не хити слишком много. Не высывайся. Будь хорошим. Не спорь. Мир опасен. Деньги — проблема. Желания — проблема. Ты сам, если честно, тоже немного проблема. Так я с этими установками и рос.

Пробовал строить правильную жизнь по сценариям, которые были доступны вокруг: семья, работа, терпение, «будь нормальным», «не выделяйся», «всё как у людей». И параллельно разрушал себя.

Жизнь мне вспоминается покрытой какой-то густой грустью. Возможно, поэтому я и стал репером.

Рэп у меня был такой, будто героиновый наркоман случайно попал на исповедь, забрал микрофон у батюшки и решил наконец объяснить миру, почему ему больно.

Наркотики. Сигареты. Алкоголь. Абызювные отношения. Азартные игры.

Всё, что было в свободном доступе для человека, который не очень понимает, что делать со своей болью.

Азартные игры, кстати, прошли у меня целую эволюцию. Сначала онлайн-покер — ночами. Потом я провернул блестящий финансовый манёвр: перешёл на Лигу Легенд. Тот же азарт, только деньги не просаживаешь. Я искренне считал это победой над зависимостью.

Сменить дилера — это ведь почти как бросить.

А наркотики в этом списке держались на последних позициях, и совсем не из-за силы воли. Их надо было мутить. А для этого — выходить из дома. Моя деградация была слишком ленивой даже для приличной наркомании.

Да и делать тогда особо было нечего.

Мне казалось, что все так живут. Что это нормально. Что богатые — это либо дети бандитов, либо дети коррумпированных депутатов. Что своя клетка — это не так уж плохо, если она хотя бы знакомая.

Эта клетка стала крепкой. Даже уютной.

До сих пор иногда хочется вдохнуть горький дым старой доброй грусти. Очень романтично. Что-то вроде медленного самоотравления из ностальгии.

Единственное, что давало мне глоток воздуха, — это музыка и девчонки.

Девчонки меня любили. А я писал свой невероятный рэп, который местами звучал так, будто грусть нашла бит, микрофон и дешёвый способ не умереть.

Там я уже начинал бороться с системой.

Правда, пока в основном рифмами, сигаретами и плохими решениями.

Образование тоже прекрасно выполняло свою функцию: создавать послушных людей. Школе редко было интересно, кто ты. Ей было важнее, чтобы ты правильно отвечал, вовремя молчал и испытывал чувство вины за незнание какой-нибудь важной бесполезной даты.

Так постепенно чистая живая часть человека зажималась под натиском серьёзности, шаблонов и чужого представления о том, каким ты должен быть.

Глава 4. Всё по учебнику

Единственное по-настоящему живое в тех годах случилось ещё в школе.

Она была жизнерадостная и какая-то неприлично живая для нашего города — будто ей одной забыли установить общий серый фильтр. Я, конечно, влюбился.

На одной вечеринке мой друг весь вечер пытался к ней подкатить. Не получалось. И я — святой человек — вызвался помочь: подошёл поговорить, замолвить за него слово.

Переговоры закончились тем, что мы целовались в туалете.

Другу я потом что-то объяснил. Не помню что. Помню, что это был лучший провал дипломатической миссии в моей жизни.

Потом я пошёл на инженерный факультет. После окончания вскоре женился — на той самой девочке с вечеринки, потому что на свет должна была появиться моя прекрасная дочь.

Всё как положено. Семья. Ответственность. Завод. Попытка стать нормальным человеком.

Я стал строить институт идеальной советской семьи, живя с тещей, и даже пошёл работать на завод.

На завод я попал как в сказке. Оставил резюме и забыл. А через год — год! — мне вдруг позвонили. К тому моменту меня уже уволили из автосервиса, где я крутил гайки, и я искал любую работу: без денег, с маленькой дочкой и безработной женой. Так что звонку с завода я обрадовался как выигрышу в лотерею.

Запомни этот момент. Человек счастлив, что его берут в клетку. Искренне счастлив. Я до сих пор помню это облегчение.

Дальше я сделал там карьеру, которой можно гордиться на собеседовании: восемь профессий, от подсобного рабочего до инженера-программиста координатно-пробивных прессов с ЧПУ. Звучит как рост. Изнутри это было одно и то же место: винтик. Просто винтики бывают разного диаметра.

Потолок просматривался с любой точки цеха: начальник цеха. Всё. Выше — только небо и заводская труба.

А мечтой моей жизни — не смейся — был Ланос. В кредит. Лет на двадцать. Я не шучу: я сидел и всерьёз мечтал о Ланосе, как люди мечтают о море.

Матрица выдаёт мечты строго по размеру клетки.

Вершиной стал выходной контроль: двести конвекторов за смену. Двести раз одни и те же движения. К обеду руки работали сами, а меня в них уже не было. Там я впервые узнал, что можно отсутствовать на собственной жизни целыми сменами — и никто не заметит. Даже ты.

Зато у завода была своя система обезболивания, отлаженная лучше производства.

В бригаде — человек тридцать, а значит, два-три дня рождения в месяц. Гуляли целый день, всем цехом, с картами — сека и очко. Однажды я выиграл у работяги половину его зарплаты. Все ржали, хлопали меня по плечу. А мне было не по себе: я сидел с его деньгами в кармане и думал, как он будет жить этот месяц. Дома его ждала семья, которая ещё не знала, что этих денег уже нет.

Но святым днём была пятница. Сразу за проходной стоял генделык — поставленный там, кажется, специально, чтобы зарплата не успевала доехать до дома. Мы гуляли, пока нас ночью не выгоняли.

Схема была продумана идеально: пять дней ты не живёшь, а в пятницу пропиваешь разницу.

А кроме завода я вообще перепробовал профессий двадцать — от подсобного рабочего на стройке до школьного учителя и сварщика машин для контрабанды. Это отдельная книга. Возможно, местами уголовная.

В общем, я сделал всё по учебнику. Я начал понемногу спиваться. Не сразу, конечно. Сначала это называлось «расслабиться», «молодость», «все так живут» и «ну я же не каждый день».

Классический тариф «Саморазрушение. Стартовый».

Иногда мои запои превращались в марафоны, пока крепкий охранник в клубе не выбивал из меня всю дурь. Одна из таких встреч закончилась тем, что меня спустили по лестнице в крепкую кирпичную стену.

Моя межпозвонковая грыжа до сих пор передаёт привет. Очень заботливая штука. Всегда напоминает о себе, когда у меня возникает желание чем-то изменить сознание.

Понемногу я начал готовить свой организм к смерти.

Звучит драматично, но по факту так и было. Человек редко говорит себе: «Сегодня я начну себя уничтожать». Обычно он просто курит, пьёт, не спит, терпит, врёт себе, а потом удивляется, почему внутри не жизнь, а усталая аварийная служба.

У моей подготовки был чёткий распорядок. Вечером — Лига Легенд. К ней — выпить и закурить. И так каждый день, без просвета и без выходных. У саморазрушения оказалась лучшая дисциплина, чем у всей остальной моей жизни.

Со стороны выглядело почти безобидно: сидит человек, играет. Только я не играл. Я прятался от вопроса «зачем всё это» в единственном месте, где он меня не догонял. Матч закончился — начинай следующий. В Лиге всегда понятно, что делать дальше.

В жизни — нет.

Наверное, единственным человеком, ради которого я тогда по-настоящему жил, была моя дочь.

Иногда во мне просыпался инстинкт хорошего отца. Но явно не так часто, как хотелось моей семье.

Одним из ключевых поворотов стало появление человека А.Б.

Он что-то во мне увидел. Мы много говорили о христианстве, жизни, смысле. Через него у меня появился первый настоящий интерес к религии и внутренним вопросам. Он помог мне стать инженером-программистом на заводе. И, возможно, через него во мне впервые что-то шевельнулось.

Кажется, именно в тех заводских разговорах я впервые расслышал внутри голос, который звучал взрослее меня. Имени у него тогда ещё не было.

Потом я начал интересоваться психологией. Читать книги. Разбираться, почему внутри всё устроено так странно.

Какой-то период я даже был буддистом. Но старые религии мне быстро стали казаться слишком тесными. Слишком много правил. Слишком много отложенной жизни. Слишком много «сейчас потерпи, потом всё будет хорошо». А я уже как-то наелся этим «потом».

Позже я открыл для себя IT. Сначала казалось, что я выбрался с завода.

Потом оказалось, что просто пересел в завод с MacBook, дейликами и более дорогим способом ненавидеть понедельник.

Я снова много работал. Снова убегал. Снова разрушал себя. Только теперь это выглядело успешнее.

А потом я очень чётко почувствовал приближение смерти. Не красивую философскую смерть, а обычное состояние человека, который живёт так, будто организм — это расходник.

Можно было бы долго разжёвывать эти сопли. Возможно, когда-нибудь я напишу отдельные автобиографические мемуары. Рабочее название: «Как красиво не справляться с жизнью и делать вид, что всё под контролем». Но здесь важно другое. Я не проснулся однажды просветлённым.

Я долго шёл ко дну, просто периодически менял декорации.

Потом каким-то чудом появился человек С. и купил мне права на мотоцикл.

Звучит, конечно, странно. Обычно духовный путь начинается с медитации, ретрита или хотя бы тревожного поиска смысла на YouTube.

У меня он, похоже, начался с категории «А» и желания выглядеть чуть менее мёртвым внутри.

Так я сел на байк. И это многое во мне поменяло.

Мотоцикл дал мне то, чего тогда не давала ни работа, ни семья, ни IT, ни все мои попытки быть нормальным человеком.

Ощущение, что я снова живой. Не счастливый. Не свободный. Не просветлённый.

Живой.

Ветер. Скорость. Дорога.

Тело, которое наконец не просто сидит за ноутбуком и медленно превращается в офисное растение с тревожным расстройством.

На мотоцикле нельзя совсем врать себе. Если ты боишься — тело знает. Если теряешь внимание — дорога быстро объяснит. Если решил, что ты бессмертный герой, асфальт довольно убедительно уточнит детали.

Мотоцикл стал для меня первой честной практикой присутствия, хотя тогда я, конечно, называл это проще: «Как же охренительно хорошо».

Потом я создал байкерский клуб.

Потому что если человеку с внутренней пустотой дать мотоцикл, он довольно быстро захочет ещё и флаг, название, движ, братство и красивую иллюзию, что теперь он не просто катается, а принадлежит чему-то большему.

Тогда я ещё не понимал, что это был один из первых прототипов моей будущей системы.

Сначала байкерский клуб. Потом мужские клубы. Потом команды. Потом «Хакнуть Матрицу». Смешно, конечно.

Человек просто хотел кататься на мотоцикле, а в итоге всю жизнь пытался собрать орден.

Матрица умеет шутить.

Позже этот же С. увёз меня на Шри-Ланку. Я понятия не имел, зачем еду. Просто поехал.

Иногда жизнь открывает дверь, а ты заходишь туда не потому, что всё понял, а потому что в старой комнате уже нечем дышать.

Я прожил там около пяти месяцев. После случайного восхождения на Пик Адама во мне как будто что-то переключилось.

Я впервые захотел жить. Не выживать. Не терпеть. Не соответствовать. Не играть в нормального человека. Жить.

Потом в моей жизни появился Курпатов и «Красная таблетка». Я, конечно, как нормальный человек, сразу решил, что теперь-то всё понял.

Это вообще один из самых опасных этапов развития: когда ты прочитал одну умную книгу и уже внутренне готов консультировать человечество.

Я уволился с работы, разрушил семью и решил жить по-новому.

Звучит, конечно, как начало вдохновляющего фильма.

На практике это было больше похоже на то, как взрослый человек внезапно стал младенцем, которому всё интересно и который при этом уже успел наломать достаточно дров.

Я начал разбираться в себе.

Я танцевал бачату, сальсу, играл в театре, ходил на кружки и курсы. Короче, взрослый мужик внезапно обнаружил, что кроме работы, алкоголя и «надо терпеть» в жизни есть ещё какие-то странные активности.

Кто бы мог подумать. Спасибо, цивилизация. Как будто я впервые спрашивал себя: а что мне вообще интересно?

Если коротко, я долго менял роли. Удобный мальчик. Хороший человек. Нормальный мужик. Ответственный отец. Заводской инженер. Айтишник. Духовный искатель. Человек, который считал себя свободным.

И каждый раз надеялся, что вот теперь-то роль наконец совпадёт со мной.

Не совпадала.

И вот после всего этого я здесь. Не как человек, который всё понял. Не как гуру. Не как обладатель окончательной истины.

А как обычный человек из постсоветской системы, который долго пытался быть удобным, правильным, сильным, успешным, духовным, свободным — и в какой-то момент устал от всех этих ролей.

Мне просто стало интересно разобраться, как устроена жизнь.

Зачем мы здесь. Почему всё время играем в чужие игры. И можно ли наконец начать жить свою.

Так что, если ты ждал святого проводника — сочувствую.

Святой не пришёл.

Пришёл бывший удобный мальчик, депрессивный рэпер, заводской инженер, айтишник, бывший пьяница, лудоман, наркоман на минималках, человек с межпозвонковой грыжей, парой разрушенных семейных сценариев и хроническим подозрением, что в этой жизни всё-таки должно быть что-то кроме «потерпеть, заработать, купить, устать и умереть».

Ну что было, то и выдали.

Ассортимент проводников сейчас вообще не идеальный.

P.S.

Так глубоко погрузился в прошлое, что купил пачку сигарет.

Старая версия меня, конечно, аплодировала стоя.

Новая сделала вид, что это исследовательский материал для книги.

Как удобно быть автором: любой откат можно временно назвать литературным методом.

Глава 5. Дочь

Прежде чем рассказывать, как я уходил из старой жизни, надо рассказать про человека, из чьей жизни уходил я.

Эта глава выпадает из порядка повествования. Так задумано: дочь — не эпизод между заводом и айти. Она отдельный счёт.

По нему я плачу до сих пор.

Мне был двадцать один год, когда я узнал, что стану отцом.

Я не помню, где был в тот момент. Помню, что сделал: позвонил отцу и пришёл к нему на работу — в полной растерянности. Мы с ним тогда особо не общались. Но в тот день ноги сами понесли к нему.

Он усмехнулся и сказал: маме сообщи, вечером поговорим.

Вот и весь обряд посвящения в отцы.

Мы не планировали. Это называлось простым словом «залёт» — и сложным словом «свадьба».

Так в моей жизни появились жена, тёща, завод и дочь.

Жили мы трудно. Не в кино-смысле, где бедность — это уютный свитер и суп из ничего. В обычном: денег нет, сил нет, я после завода, внутри пустота.

Я бухал. После работы — почти ритуалом. А в пятницу или в зарплату мог зависнуть в клубе до утра.

Был случай, когда я по пьяни подсел в баре к компании бывших зеков и проставил им всю зарплату. Пропал дня на три. Пили без просвета, ночью влезли в потасовку на дискотеке, спали где попало. Самое странное — мужики оказались совсем не плохими. Один в прошлом сидел за убийство отца — за то, что тот бил его мать. Как я в итоге оказался дома, не помню. Помню только, что обе ноги свело судорогой. На работе, конечно, о моих похождениях уже знали.

Дочь была маленькая, а я был далеко. Иногда в соседней комнате — и всё равно далеко. Иногда до утра — и не дома.

Когда ей было три, я понял, что хочу уйти из этого брака. И не ушёл. Из-за неё.

Хотя однажды почти ушёл — дело дошло до суда. Суд состоялся с третьего раза: судья вечно болел, будто сама система намекала, что ей не к спеху. Я в это время жил то у мамы, то у друзей. В итоге судья дал нам шесть месяцев подумать.

Мы подумали — и сошлись. Обратно, к теще. Я знал, что нужен дочери.

Я сказал себе: подожду, пока она вырастет. Решил терпеть — и назвал это любовью к дочери.

Сейчас я понимаю, что это было что-то другое. Ребёнку не нужен отец, который терпит. Ребёнку нужен отец, который есть. А меня почти не было.

Почти.

Иногда на меня нападали отцовские проблески. Не по расписанию — как погода.

И тогда мы смотрели вместе мультики — «Винкс», «Сейлор Мун». И все серии «Лунтика». Все — это не фигура речи.

Официально это было для неё. По-честному — я досматривал сезоны, которые не успел посмотреть в собственном детстве, где было как-то не до волшебниц.

Читали — любимой у нас была «Мани, или Азбука денег»: книга, где говорящая собака объясняет ребёнку, как устроены деньги. Видимо, я хотел, чтобы хоть кто-то в этой семье узнал это вовремя.

Я завёл ей канал на YouTube — она делала там свои мультики и клипы на подростковые песни. Гача Лайф, или как это у них называется.

Клипы вдруг начали набирать. Под ними собирались девочки со всего интернета и писали ей спасибо в комментариях. Мой ребёнок молча сделал то, о чём я потом годами рассуждал с умным лицом: собрал вокруг себя живых людей, которым это было нужно.

Мы даже пытались снимать контент вместе.

Закончилось это тем, что я начал на неё орать. И мы прекратили.

Так выглядели мои проблески: я приносил в них себя целиком — вместе со всем, от чего сам ещё не умел защититься.

Канал она потом удалила. Подростки любят всё резко менять.

Мы рассуждали о её будущем. Я учил её мечтать — потому что сам когда-то перестал. И ещё я учил её не привязываться к людям.

Я говорил ей: можно полюбить человека, привязаться — а потом не знать, как жить, если он уйдёт. А если не привязываться — не будет боли.

Я не выдумал эту мудрость специально для неё. Я сам так жил. Старался ни к кому не привязываться — и называл это силой.

Но было и второе дно, о котором я тогда не говорил вслух даже себе: я уже знал, что уйду. И учил ребёнка технике безопасности при обращении с главным человеком её жизни.

Я передавал ей не философию. Я передавал ей свою защиту — так же, как мои родители когда-то передали мне свою: не хоти много, не высовывайся, мир опасен.

Вот тебе и вся Матрица в одной сцене. Код переходит из поколения в поколение, и каждый уверен, что делится мудростью.

Она обожала эти дни. Однажды так и сказала — что ей очень нравится, когда я провожу с ней время. Просто сказала, без претензии и без подтекста. Дети вообще просят так мало, что это удобно не расслышать.

Я тоже их обожал.

Может, поэтому они случались так редко. Слишком живые. А я тогда умел только выживать.

Я ушёл, когда ей было двенадцать. Шестого января. В самый канун Рождества.

Я тогда даже не заметил, что на календаре праздник, — у уходящих вообще плохо с календарём.

Зато теперь календарь помнит всё за меня: в нашей семье у Рождества есть второе название.

Такие вещи всегда не вовремя. Я умудрился выбрать самое не вовремя из возможных.

Девять лет ожидания, пока она «станет взрослой». Она не стала. Я просто больше не смог.

А потом было два момента, которые я не вырежу из памяти никаким новым этапом.

Первый. Она спросила, можно ли ей жить со мной, а не с мамой.

Кажется, это было, когда я уходил. Точно не скажу.

Память — услужливая штука: самое неудобное она хранит без даты и без подробностей. Оставляет только суть.

Суть такая: она спросила. Я отказал.

Формально причина была, и звучала она железно: я снимал одну комнату. Ребёнку там негде жить. Причина была даже настоящая.

Просто с тех пор я знаю разницу: человек, которому очень надо, ищет способ. Человек, которому удобнее «нет», ищет причину.

Я нашёл причину.

Второй момент случился позже — уже после побега, про который дальше. Но место ему здесь: он из этой главы, а не из той.

Я пригласил её в свой арендованный дом.

В доме была детская. Настоящая детская комната — она даже называлась так.

Я водил дочь по дому и показывал: а вот здесь будет моя звукозаписывающая студия. Прямо в детской. Идеальная комната под музыку.

Она слушала и молчала. Она думала, что это будет её комната. Не знаю, когда я это понял. Знаю, что понял.

Я рассказывал про студию для своего рэпа — в комнате, где мой ребёнок уже мысленно расставлял свои вещи.

Со мной тогда жила девушка — на одиннадцать лет младше меня. Молодая, красивая, со своей жизнью, в которой чужому ребёнку места не было. Её можно понять.

Нельзя понять другое: выбор делала не она. Выбор делал я. И я выбрал её.

Можно красиво объяснить. Тогда у меня были аргументы — взрослые, разумные, удобные. Я их даже не помню.

Помню только детскую, в которой я собирался записывать песни о боли.

Дальше эта книга будет про Матрицу, программы, свободу и тишину.

Но самый точный детектор моей автоматической жизни выглядел не как зелёный код на стене.

Он выглядел как ребёнок, которому я дважды сказал «нет», потому что так было удобнее старой программе.

Я не буду себя здесь ни прощать, ни добивать. И то и другое — слишком дешёвый способ закрыть тему.

Тема не закрыта. И, возможно, не должна быть.

Принцип 7. Не делай из другого человека своё решение.

Я дважды сделал своим решением её — и дважды заплатил не я. Если твой выбор оплачивает ребёнок, это не выбор. Это перекладывание счёта на того, кто не может отказаться платить.

Глава 6. Момент, когда стало тихо внутри

Я стал сеньор-разработчиком в большой корпорации — сеньор это когда тебе платят как взрослому. Начал зарабатывать нормальные деньги. Купил машину. Квартиру. Кота.

Вроде бы полный набор.

Что ещё нужно правильному человеку, чтобы наконец от него отстали?

Я только что закончил капитальный ремонт. Поставил чёрную сантехнику. Умывальник из какого-то дорогого камня, название которого я, конечно, уже не помню. Красивый свет. Нормальную мебель.

Всё как надо.

Полный комплект взрослого человека, который вроде бы всё сделал правильно. Можно было ставить галочку и начинать спокойно выплачивать ипотеку внутренней пустоте.

Когда ремонт наконец закончился, я сел в зале в своё любимое раскладное кресло.

Посмотрел вокруг. И почему-то не почувствовал дома.

И вдруг понял: я не могу здесь жить. Всё было правильно. Но не моё.

Я вдруг увидел, как всё это работает: когда будет достаточно? После машины — нужно новее. После квартиры — дом. После одного ребёнка — второго. Работать больше. Зарабатывать больше.

Становиться ещё правильнее, стабильнее, удобнее, успешнее. И это могло продолжаться бесконечно.

Не потому что мне правда всё это было нужно. А потому что система всегда умеет подкинуть следующий уровень, лишь бы ты не остановился и не спросил: а я вообще туда иду?

Я смотрел на эту жизнь и понимал: если останусь, проживу её правильно. Но не проживу ни одного своего дня.

В тот день я решил уйти. С работы. Из отношений. Из этой квартиры. Из этого города. И даже из этой страны. Не потому что у меня был великий план. Плана, если честно, не было вообще. Был только странный внутренний факт: так дальше нельзя.

И в тот момент стало тихо внутри.

Принцип 1. Не предавай себя по мелочи.

Большие предательства начинаются с «ладно, потерплю» и «пока сойдёт». Так годами собирается жизнь из компромиссов против себя — очень аккуратная и очень мёртвая.

* * *

Дебриф Виталиуса №1

Это я. Виталиус.

Да, тот самый — из-за которого на обложке не то имя, что в паспорте. Больше пока ничего не скажу. Буду заходить после каждого акта — как патологоанатом: когда всё уже случилось, зато можно честно сказать, от чего именно.

Ты уже ёрзаешь: «мне обещали хак Матрицы, а тут чья-то биография. Завод, теща, чёрная сантехника».

Правильно ёрзаешь. Только вот сюрприз: Матрица — это и есть биография. Его. Твоя. Разница в отделке.

Заметил, надеюсь, главное: никто не держал его под дулом. Работа, семья, ремонт — всё добровольно. Сам пришёл, сам остался, сам выбрал умывальник из камня, название которого не смог запомнить. Идеальное преступление: жертва, следователь и охрана — один человек, и у всех алиби.

Матрица не держит насилием. Она держит нормальностью. Выглядела бы клетка как клетка — он бы дёрнулся лет на десять раньше. А она выглядела как «да у тебя всё нормально, брат»: недостаточно плохо, чтобы остановиться, и достаточно терпимо, чтобы не жить.

И не жди, что дальше появятся злые корпорации и алгоритмы. Понимаю, хотелось бы — в этой сказке виноват кто-то снаружи, очень удобный жанр. Но худшая часть системы установлена изнутри, и обновляется она без твоего участия: быть удобным, быть хорошим, быть нужным. Быть кем угодно, кроме живого.

Поэтому «как победить Матрицу» — вопрос подростка в чёрном плаще. Настоящий вопрос скучнее и оттого противнее: где именно она живёт во мне?

Ах да, ты же пришёл за ИИ. Держи первую стыковку, бесплатно: его клетка называлась «работа, семья, ремонт». Твоя называется так же. Пока. Агент уже примеряет твою функцию — и, в отличие от тебя, он не устаёт, не бухает по пятницам и не строит смысл жизни из должности.

Он в то кресло дошёл сам, годами. Тебя доставят. С уведомлением.

А он пока собирает чемодан и верит, что где-то там станет легче.

Наивный. Обожаю этот этап.

* * *

АКТ II. РАСПАД

Выйти из старой жизни — ещё не значит сразу попасть в свою. Здесь рушатся отношения, сценарии, планы на свадьбу и старая версия себя. Не красиво. Честно.

С этого акта в книге два голоса. Второй мне не принадлежит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.